

- Peters, Benjamin (2012) "Normalizing Soviet Cybernetics" *Information & Culture* 47 (2): 145–175.
- Gadamer, Hans-Georg (1989) *Truth and Method*, London: Sheed and Ward.
- Riskin, Jessica (2016) *The Restless Clock*, Chicago: University of Chicago Press.
- Scott, Ridley (1986) *Bladerunner*.
- Shelley, Mary (2017) *Frankenstein: A New Edition for Scientists and Engineers, and Creators of All Kinds*, Cambridge: MIT Press.
- Spielberg, Steven (2001) *A.I. Artificial Intelligence*.
- von Xylander, Cheryce (2020) "A(l)gora: The Mindscape" *Technology and Language* 1:2, 115-125.
- Weber, Jutta (2011) "Blackboxing Organisms, Exploiting the Unpredictable. Control Paradigms in Human-Machine Translation," in: Martin Carrier, Alfred Nordmann (eds.) *Science in the Context of Application*, Boston Studies in the Philosophy of Science vol. 274, pp. 409-429.

А.Н. Огнев
доцент кафедры философии,
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: ognev.an@ssau.ru

Онтогносеологические парадоксы литературной космологии

Аннотация: В статье рассматриваются онтогносеологические парадоксы литературной космологии, обосновывающие необходимость сюжетного смещения в научно-фантастической литературе. Показана концептуальная значимость сюжетного смещения по критериальным основаниям слабой и сильной версии антропного принципа относительно оппозиции идеалистического анамнезиса и реалистического гистерезиса. Выявлены инвариантные методологические парадоксы литературной космологии. Делается вывод о диалектическом характере взаимодействия нормативов идеации в литературной космологии и фактографических массивов в научной картине мира.

Ключевые слова: онтогносеология, анамнезис, гистерезис, литературная космология, космос, жизненный мир, сюжетное смещение, бытие, мышление метафизика.

Космология, представляющая собой предельный уровень теоретического обобщения объективированной картины мира, задающей размерности топологической и темпоральной конфигурации действительности, образует понятийное завершение натурфилософии, заключая в себе концептуальный итог понимания природы в целом. Мир как упорядоченная целостность, в которую встраиваются все фактографические коллизии действительности, обладает внятным устройством, описываемым на основании законов, базирующихся на истинах, составляющих аксиоматический фонд человеческого знания. Эта теоретическая презумпция вытекает из статуса космологии как одной из трех ключевых дисциплин метафизики, функцией которой является радикальная объективация мировоззренческой интенции, подлежащей рационализации в ходе удовлетворения метафизической потребности человека. Космология, таким образом, осуществляет овнешнение вопроса о границах разумной действительности, оказываясь концептуальной надстройкой, в которой снимается предметное многообразие материала научного познания, подводимого под общий дефинитивный знаменатель. Такова общая диспозиция космологической проблематики в системе человеческого знания. Она кажется вполне очевидной, пока не поднимается вопрос относительно объяснительной силы тех

абстракций, которые внутри категориального комплекса космологии видятся сбалансированными при простой каталогизации фактов сознания, востребованных естественнонаучным объяснением действительности. Стоит, однако, только поместить человека как сюжет в этот контекст, и тогда от иллюзии понятийной комплементарности не останется следа: нормативы вселенской каталогизации окажутся силовыми линиями сюжетных декомпенсаций сущностных сил человеческой субъективности, проективными условностями целеполагания или массивами фактографической рутины, формирующими инерционные тренды тематической интроектов, релевантных для методологической рефлексии. В этих условия кризиса космологии как классической метафизической дисциплины симптоматическим оказывается удвоение антропного принципа по версиям сильной и слабой его интерпретации. Попеременное смещение вектора космологического обобщения в сторону одного из интерпретативных полюсов с тенденцией к увеличению амплитуды отклонения от точки абстрактного метафизического равновесия можно считать верным признаком динамики роста материально-фактографической стороны в процессе научного познания. С увеличением этой амплитуды снижается градус ясности и отчетливости эйдетики, посредством которой фиксируется в однозначных метафизических формализмах феноменологический габитус мироустройства как такового.

В той мере, в какой происходит семиотическая динамизация самих композиционных структур общей картины мира, вопрос о разумной действительности имагинативной конвенции космологии приобретает особую актуальность, поскольку космологические габитуалитеты оказываются расфокусированными относительно локуса феноменологического обустройства сюжетной целостности человеческого мира. В этой ситуации возникает гипотеза относительности слабой и сильной версии антропного принципа: ни одна из этих двух редакций не заключает в своем демонстративном потенциале решающего аргумента в пользу предпочтительно аксиоматизации того или иного фонда титульных формализмов. Возникает необходимость в активации пресловутой «аксиомы выбора», которая призвана тематизировать критериальную релевантность космологического обобщения в чисто методологическом смысле. Это значит, что сильная и слабая версия антропного принципа слаба и сильна не в некоем абсолютном смысле, а только относительно идеалистического или реалистического режимов позиционирования космологических габитуалитетов в феноменологическом локусе человеческого жизненного мира, где сущностные силы субъективности могут состояться в сюжетном исполнении. Надлежит сделать выбор между идеалистическим анамнезисом и реалистическим гистерезисом, следовательно, усиление релевантности одного по интерпретативному регламенту антропного принципа, предлагает в компенсаторном порядке ослабление другого. Только при соблюдении этого требования в жизненном мире человека может быть сформирована направленная и необратимая легенда сюжетного изменения, обладающая критическим катарсическим потенциалом для дискретной репрезентации релевантных космологических габитуалитетов, востребованных логикой естественнонаучного познания в прикладном и частнопредметном исполнении. Этот момент выражается на языке ценностных предпочтений, но содержательно никогда не бывает тождественным узко понятому аксиологическому решению. Вот почему он и ускользает от теоретической рефлексии, рассчитанной на частнопредметный узус, релевантный для канона научной методологии, которая создается отнюдь не для того, чтобы легитимировать некую сюжетную длительность с комплексом ее игровых мировоззренческих опций, а для того, чтобы формализовать внеигровую серьезность природы, составляющую предпосылку единства человеческого опыта, без которой немислима общезначимость процедур научного обобщения. Научное познание мира осуществляется человеком, а он обладает неотъемлемыми аквизитами, вытекающими из феноменологического габитуса в жизненном мире, подобающими ему по практикуемой им сюжетной траектории с определенным ценностным смыслом, претендующим на катарсическую нормативность. Эффект сюжетного смещения равновесия между

идеалистическим анамнезисом и реалистическим гистерезисом на метафизическом уровне подобен доплеровскому эффекту в физике, поскольку вызывает усиление или ослабление роли идеалистических и реалистических факторов в мировоззренческом консенсусе по поводу антропного принципа. Форматив этого консенсуса задает литературная космология, приуроченная к аксиоматизации выбора направления действенного обобщения сюжетного смещения, задающего параметры фокусировки картины мира по меркам ее ясности и отчетливости. Если ясность определяется содержанием задействованных понятий, то отчетливость раскрывается через объемные характеристики операциональных условностей, исполнимых в инвариантной композиционной конфигурации наличной картины мира. Не следует забывать о том, что содержательная ясность и объемная отчетливость подчинены фатуму логической обратности в дискретном узусе понятия, востребованном эффектом сюжетного смещения. За ним стоит тривиальная, с точки зрения классической логики, коллизия соотношения объема и содержания понятия, которая только и всего лишь отражает эффект сюжетного смещения в рефлексии, не предпрещая его конкретной формализации в материале габитуалитетов жизненного мира.

Лимиты применимости концептуального конструкта «литературной космологии» те же, что и у «литературной психологии» в том смысле, в каком их применял Дж. Сантаяна. Психология в своем метафизическом амплуа призвана обосновать условную совместимость эмпирических данных о составе и способностях души в рациональном аристотелевом понимании, подчиненном понятной логике, с метафизическими гипотезами о судьбах души, создаваемых по лекалам платонизма, имеющих в виду ее сверхценные притязания и потусторонние амбиции. «Литературная психология» создаёт видимость консенсуса для этих двух в пределе взаимоисключающих позиций. Дж. Сантаяна считает, что «для соответствующего знания природы имеет небольшое значение то обстоятельство, что субстанция вещей будет оставаться скрытой и непонятной, если их движение и действие можно правильно определить в плоскости человеческого восприятия» (Сантаяна 2001, с. 152). «Литературная психология» оказывается выражением прагматической санкции, задающей эффект ценностного подкрепления понятийной общезначимости познавательных инициатив. «Литературная космология», построенная на основании функциональной аналогии с сантаяновским концептуальным конструктом, нацелена на решение той же задачи, но в ином предметном ракурсе: она имеет в виду мир, а не душу. Литературно-космологическая точка зрения определяет горизонт обобщения для весьма разнородных фактографических массивов, позволяя их мыслить посредством фикции общего предпосылочного генезиса в рамках той или иной версии детерминизма, восходящей к сюжету направленного изменения силового баланса между факторами идеалистического анамнезиса и реалистического гистерезиса. Литературная космология задаёт катарсические нормативы для эффекта сюжетного смещения, позволяя тем самым трактовать мировую данность в качестве источников необходимых реквизитов для предпочтительного сюжета, подлежащего исполнению в жизненном мире человека как разумного смертного существа.

Разумеется, далеко не все факты и способы их объяснительного позиционирования сущностно соизмеримы с генеральной сюжетной абстракцией. Наличие такого рода несовпадения вызывает эффект когнитивного диссонанса и мобилизует объяснительные стратегии в сомнительном формате демонстративной интриги, нацеленной на дезактуализацию дискретных несообразностей. В научной фантастике эта коллизия сбоя литературно-космологической линии осознается особенно остро, о чём свидетельствует С. Лем: «Непоследовательностями литературного произведения мы будем считать нарушение логики как противоречия в смысле последовательности событий, антиномические противоречия в понимании семантической логики, а также парадигматические нарушения нормализованного повествования» (Лем 2009, с. 94). Особое внимание С. Лем уделял конструирующим противоречиям, считая их

«интересными» по критерию несовпадения с миром стандартного воображения. Они интригуют реципиента, но не заключают внутри себя нормы катарсической эйдетики, поскольку критерий «интересности» есть внеэстетический момент, разрастающийся в низких жанрах литературы и вполне уместный в них, но иррелевантный в порядке идеации разумной действительности. Наличие конструирующих противоречий требует пролиферации фабульных конструктов, вызывающей инфляцию понятийного объема при реальной неразвитости внутреннего содержания. Понятийная инфляция бесконтрольно расширяет объем применения понятий, что приводит к эффекту их мировоззренческого обесценивания, к размену на идеологические интересы их рационального обобщающего потенциала, на что обращает внимание А.Ф. Лосев в «Диалектике мифа», критикуя позитивистское наукообразие с позиции диалектического понимания литературной космологии, исходящей из классических мировоззренческих предпосылок: «Научный позитивизм и эмпиризм, как и всё это глупое превознесение науки в качестве абсолютно свободного и ни от чего не зависящего знания, есть не что иное, как последние мещанское растление и обалдение духа» (Лосев 1991, с.115). Лосевская инвектива свидетельствует о наличии выраженного мировоззренческого антагонизма между умопостигаемым оптимумом его литературно-космологического сюжета и инфляционным трендом современного мировоззрения, идущим вразрез с классической диалектикой мифа.

Принцип развивающегося содержания в космологии впервые был легитимирован И. Кантом в его космологической гипотезе, предполагающей усложнение структурной организации форм объективированной общности в мироздании. Гипотеза происхождения Солнечной системы из исходной газопылевой туманности предполагала возрастание меры порядка на структурном уровне и показывала меру недостаточности механистического истолкования Вселенной, при котором она не имела причитающейся «естественной истории», будучи построенной по вечной и неизменной модели взаимодействия твёрдых тел, сводящей последние к абстракциям материальных точек. Тот факт, что в своём нынешнем виде Солнечная система представлена в габитуалитетах естественного маятника, не исключает наличия у неё как предшествующего неупорядоченного состояния, так и последующего, допускающего иные критерии габитуальной связности её репрезентативного эйдетического комплекса. Кантовская литературная космология включает креационистский мотив в свой состав на правах частного случая казуистической интерпретационной модели. Кант допускал, что «так как в действительности оставшаяся часть вечности всегда бесконечна, а истёкшая часть всегда конечна, то сфера завершившей своё формирование природы составляет всегда лишь бесконечно малую часть того целого, которое таит в себе зародыши будущих миров и стремится в более длительные или более короткие периоды развиваться из первичного состояния хаоса. Творение никогда не кончается. Оно, правда, однажды началось, но оно никогда не прекратится. Оно всегда деятельно и созидает всё новые явления природы, новые вещи и новые миры» (Кант 1999, с. 161). В кантовской литературной космологии принцип развивающегося содержания адекватен реалистическому гистерезису, усиливающему антропный принцип гипотезы нон-финитности, ослабляет идеалистический финалистский анамнезис. В критический период И. Кант выдвигает понимание антиномии в качестве формата, в котором разум вступает в неразрешимое гносеологическое противоречие с самим собой по поводу своих космологических притязаний. Кантовская гипотеза могла быть сформулирована только до вступления его философии в критическую фазу, в которой она попросту не могла бы идеироваться в научном качестве. На это косвенно указывают и многочисленные цитаты в его литературно-космологической проекции из А. фон Галлера, в которых звучит тема несоизмеримости, свидетельствующая о базовом беспокойстве по поводу бесконечности, приведшем в критический период к возникновению непознаваемой «вещи-в-себе» в качестве невротического новообразования в европейской рациональности. Аналогом последней в физической космологии можно считать лапласовскую редакцию гипотезы о чёрных дырах. Кантовская литературная

космология в своей позитивной понятийной транскрипции оборачивается панической атакой внутри сложившегося типа рациональности, тогда как методологически она оказывается важным стимулом для установления норм идеации относительно инвариантных моделей позиционирования притязаний чистого разума в метафизическом смысле.

Кантовская литературная космология оказалась весьма продуктивной модельной ситуацией, позволяющей установить релевантные дистинкции категориального плана для метафизических притязаний чистого разума на уровне трансцендентального учения о методе. Если догматизм предполагает обобщение, оконечивающее действительность сообразно известному предпосылочному базису, а полемика ставит своей целью не познание Истины, а победу в споре, то скепсис видит свою задачу в достижении отрешенности в ситуации понятийной изостении, а критика предстаёт в виде логоса кризиса, вызванного нарушением границ применимости человеческих понятий. Каждая из перечисленных установок требует своей особой литературной космологии, легендирующей эффект сюжетного смещения характерным для себя способом. Догматизм делает мир предсказуемым, а потому на его основе возможно обоснование инерционных поведенческих стратегий, замкнутых на сценарных условностях, в которых реализуется ригидность жизненных сюжетов нетворческого большинства, что подчиняет человека фатуму как обезличивающей силе. Для полемиста, которому важна победа в споре в качестве сверхценного аквизита своего личного самоутверждения, литературная космология оказывается призовым ментальным спецэффектом, подтверждающим его превосходство как носителя субъективности над любым порядком объективации. Скепсис нейтрализует идеалистический анамнезис и реалистический гистерезис в казусе изостении, что делает для его носителя возможной позицию мировоззренческой неангажированности, которая благоприятствует непредвзятому исследованию мира, делающему возможным достижение знания, обладающего относительной научной новизной, но не претендующего на абсолютный сверхценный статус. Критика позволяет установить границы применимости понятий, дав отчёт в их соответствии конечным целям разума, что означает *bona fide* уверенную оптимизацию топологической конфигурации платоновской пещеры. Перечисленные стратегии, практикуемые методологически *lege artis*, требуют особого легендирования эффекта сюжетного смещения на мировоззренческом уровне.

I. Полемическая литературная космология впервые заявляет о себе в учении о бесконечной Вселенной, созданной в ноланской философии Дж. Бруно. Исходя номинально из спекулятивных установок кардинала Николая Кузанского, Дж. Бруно использует модель Коперника как повод к тотальной мировоззренческой конфронтации с генеральной линией ценностных предпочтений классической эпохи веры. В концепции «учёного незнания» Николая Кузанского этой полемической интенции изначально не было, более того – в бесконечности Вселенной немецкий мыслитель усматривал закономерное следствие максимальной творческой мощи Бога как уникального и единственного в своем роде инициатора разумной действительности, что транслировало мотив теодицеи в интерьеры конечного воплощения: «Переживаемое нами на земле тление вещей опять-таки не есть убедительное доказательство ее неблагородства. При единстве вселенского мира и существующих между отдельными звёздами отношениях взаимовлияния мы не можем быть уверены в полной тленности чего бы то ни было» (Николай Кузанский 1979, с. 138). Бруновский полемизм латентно предполагает реальное обращение этого тезиса: «уничтожение есть не что иное, как возникновение, и возникновение не что иное, как уничтожение» (Бруно 1996, с. 319). Бруно намеренно приводит к диалектическому тождеству то, что в мире метафизически противопоставлено у Аристотеля. Бесконечная Вселенная оказывается неизменной на уровне целого, но изменчивой в частнопредметных отношениях. Раз невозможно одно бесконечное тело, то возможна бесконечная множественность тел, проникнутых общей Мировой Душой, что

позволяет сделать вывод: «В природе существует революция и круговорот, в которых при помощи совершенства и содействия других сил высшие вещи, падая, переходят в низшие, а низшие вещи в силу собственного превосходства и счастья, поднимаясь, делаются высшими» (Бруно 2000, с. 85). Это становится этосом человека в доктрине «героического энтузиазма», субъективность которого раскрывается в творческой силе Эроса как выраженного личного превосходства над инерцией фатума, следствием чего становится «небесная реформа», меняющая семиозис вселенского порядка. Дж. Бруно усиливает анамнезис за счёт ослабления гистерезиса. Одержимость героическим энтузиазмом парадоксальным образом трансформируется в источник разумности мироустройства. Полемическая литературная космология возводит собственный пафос в ранг всеобщей силы действия, определяющей жизненную ценность в наличном миропорядке, а потому истинное познание не следует за вещами, а предписывает им через творческую интенцию статус природных объектов. Минимум логики, максимум пафоса.

II. Скептическая литературная космология складывается по канве фабульных конструкторов отвергаемого античными и средневековыми квалитативистами атомизма. Ее манифестом становится первый научно-фантастический роман в европейской литературе – «Иной свет, или Государства и империи Луны». Путешествие на Луну, ставшую для человеческой имажинации овеществлённым символом становления, объединяющего циклические фазы убыли и роста, осуществляется в режиме либертинской авантюры С. Де Бержерака. Сам способ, избранный повествователем для совершения своего начинания, оказывается пародией на апорию дискретности и континуальности движения, при помощи которой Зенон Элейский ставил под сомнение онтологический статус понятия движения. Лунный мир предстаёт в виде пародийной антитезы земного. Он изобилует пародийными абсурдизмами абстракций популярной на Земле метафизики: одушевлённая капуста, зрячие фонари и ювенальная деспотия представляют собой отражение превратного человеческого мышления в овеществленном виде. С. Де Бержерак анализирует фундаментальную апоретику мироустройства, которая образует системообразующий мотив человеческого познания: «Первое препятствие, задерживающие нас, это вечность Вселенной; человеческий ум недостаточно силён, чтобы постигнуть вечность, и в тоже время не в состоянии представить себе, что великая Вселенная, столь прекрасная, столь уравновешенная, могла возникнуть сама собой; поэтому люди прибегают к помощи Создателя. Но подобно человеку, который спрятался бы от дождя в реку, они, спасаясь от карлика, отдают себя на милость великана. Однако и это их не спасает, ибо вечность, которую они не признают за мирозданием, ибо не в силах её постигнуть, они приписывают Богу, словно он нуждается в таком подарке и словно легче представить себе вечность в отношении Бога, чем в отношении Вселенной» (Бержерак 2002, с. 121). Попыткой сокрытия этой изостении можно считать учение Б. Паскаля о двух бесконечностях, за которой стоит травматический мировоззренческий опыт экзистенциального шока от бесконечности. П. Гассенди, осмысляя наследие Эпикура в скептическом ключе, приходит к выводу: «В самом деле, полагать, что в бесконечной Вселенной есть всего лишь один мир, так же нелепо, как думать, что в огромном поле, засеянном многими зёрнами, вырастет лишь один колос» (Гассенди 1996, с. 207). Скептическая литературная космология допускает нейтрализацию гистерезиса и анамнезиса через атомизм, отождествляя идею как вид с атомом как инвариантной топологической конфигурацией по демокритовской теории частных начал. Исследуя парадоксальность Вселенной, человек объективирует ночную сторону своей субъективности, которую он не хочет принять, но которую не в состоянии избыть в качестве точки отсчета своего превратного генезиса. Пафос сводится на нет отрезвляющей логикой вынужденной отрешенности.

III. Догматическая литературная космология формализует картину мира, обратную современной стандартной модели, индуцирующей инфляционный процесс. Апеллируя к предпосылочному базису знания, догматизм подчёркивает значимость интегративных

процессов во Вселенной, делая акцент на иерархическом упорядочивании степеней сложности. В догматической литературной космологии гравитация побеждает энтропию. Чтобы это стало возможным, нужно задействовать во Вселенной силу, аналогичную пресловутому «демону Максвелла», что требует фронтальной демонизации общего мироустройства. Такого рода литературная космология складывается в рамках посткритического иррационализма в доктрине Э.А. По, сообразно которой нынешнее состояние Вселенной предстаёт призраком процессов развития, реальная длительность которых была предрешена и завершена в прошлом, но которые идеируются как мировое состояние в настоящем *post factum*. Э.А. По ещё до появления современной стандартной модели приходит к выводу о единстве пространственно-временного континуума, но интерпретирует это положение в духе антиинфляционного финализма. Мировой процесс не исходит из точки сингулярности, как это предполагается гипотезой Большого Взрыва, а завершается в ней как в своём умопостижимом пределе, достигая высшей степени единства через нарастание общей упорядоченности сущего. Э.А. По писал: «Чтобы Вселенная могла длиться в течение летоисчисления, вообще соразмерного с величием составных её вещественных частей и с высоким величием духовных её замыслов, было необходимо, чтобы изначальное рассеяние атомов было сделано на такую непостижимую распространённость, только бы не быть бесконечным. Требовалось, словом, чтобы звёзды могли собраться в зримость из незримой туманности, перейти от туманности к окреплению – и потом поседеть, давая рождение и смерть несказанно многочисленным и сложным различностям жизненного развития; требовалось, чтобы звёзды сделали всё это, чтобы они имели время целиком выполнить все эти божественные замыслы – в течении круга времён, в каковой всё совершает свой возврат в Единство с быстротой собирательной в обратном отношении к квадратам расстояний, на грани которых лежит неизбежный Конец» (По 2008, с. 213). В догматической литературной космологии процесс мировой интеграции напоминает фазу доминирования силы притяжения у Эмпедокла. Он завершается стяжением всего сущего воедино, контракцией Вселенной в одну инвариантную атомную структуру, что предполагает усиление гистерезиса за счёт ослабления анамнезиса, что становится зримым через эффект централизации масс, вызывающей преодоление индивидуации. Финал мира оказывается осуществлением божества в атомической тотальности всеобщего предела, в котором осуществляется гипотеза Демокрита об атоме, образующем собой целый мир в его неделимости. У догматиков в литературной космологии реальное многообразие сущего свёртывается в точку, образующую будущей силовой центр, в котором Вселенная преобразуется в духовную субстанцию. Здесь нет места инфляции, но зато есть место для монстров Лавкрафта, олицетворяющих хтоническую мощь преодоленных фаз становления.

IV. Критическая литературная космология складывается под влиянием позитивистского мировоззрения, предполагающего абсолютизацию утопии бескризисного Прогресса, лишённую при этом финалистских коннотаций. В позитивистском детерминизме нет места Хаосу в собственном смысле слова, но сам порядок оказывается следствием бесперебойной смены включения производящих причин, превращающих реальность в единый процесс производства, который никогда не может быть завершён. Переработка материи составляет его единственное содержание. Ярким образцом критической литературной космологии можно считать концепцию французского революционера О. Бланки. Опираясь на гипотезу Канта-Лапласа, которая на тот момент ещё не была легитимирована эмпирически посредством данных спектрального анализа, О. Бланки приходит к выводу о том, что материя вечна не в зримых оформленных конфигурациях, а только на уровне своих элементов, из которых на тот момент позитивистскому естествознанию было известно 64. Они упорядочиваются на основании фрактальных закономерностей. Поэтому степень подобия космологических объектов нарастает с увеличением расстояния, в соответствии с чем расстояние между двумя абсолютно идентичными объектами во Вселенной должно быть бесконечным. О. Бланки

констатирует, что «каждый из нас жил, живёт и будет жить бесконечно в виде миллиардов alter ego. Такова каждая секунда его жизни, таков стереотип, повторяющийся в вечности в миллиардах образцов. Мы разделяем судьбу планет, наших кормилиц, на груди которых происходит это неисчерпаемое существование. Звёздные системы влекут нас к себе, в свою вечность. Будучи единственной формой организованной материи, они в то же время обладают её устойчивостью и её подвижностью. Каждая из них – это только вспышка молнии, но такие молнии вечно освещают космос» (Бланки 2007, с. 119). Материальное единство мира О. Бланки трактует как детерминативный фактор непреодолимой космической несвободы. Платоновская пещера становится бесконечной. Слабая версия антропного принципа откладывает разрешение противоречий между анамнезисом и гистерезисом в бесконечность. Критическая литературная космология проникнута пафосом прокрастинации абсолютной истины, а потому – депрессивна.

Вполне преднамеренная парадоксальность четырех вариантов литературной космологии призвана обосновать эффект сюжетного смещения в жизненном мире, когда человек оказывается перед проблемой разумной действительности, предполагающей достижения взаимно-однозначного соответствия между бытием и мышлением. В той мере, в какой эта проблема предстаёт как превращённая форма «человеческого, слишком человеческого» интереса, она обрастает типологически-убедительной фактографией, складывающейся в фабулу объективации реального генезиса образа единства сущностных сил человеческой субъективности. Сложность состоит в том, что в ней наблюдается дефицит эйдетики, необходимой для эстетического опосредствования по показаниям габитуса феноменальной локализации разумного смертного существа в его актуальном жизненном мире. Решение этой эстетической задачи на почве одного только «интереса» оказывается неисполнимым начинанием. Имагинация нуждается в сверхценной норме, тогда как научная фантастика в качестве низкого жанра, обыгрывающая в ней внеэстетическую коллизию «интересности», имеет дело с обывательской интерпретацией частнонаучных данных. Этот факт приводит С. Лема к симптоматическому признанию в том, что «вся земная история учит нас, что человек никогда не склонен признавать слепые статистические силы как таковые, то есть как единственного властелина своей жизни и смерти. Он изобрёл культуру как религию и миф, чтобы превратить ужасную нейтральность по отношению к нему слепой статистики в детерминированную трансцендентность» (Лем 2013, с. 223). Осуществляя рекогносцировку феноменологической теории литературного произведения в «Философии случая», С. Лем фиксирует локус сюжетного смещения в следующих оппозициях: «конкретизации литературного произведения происходят «здесь» в этом мире, и могут друг от друга отличаться. Само уже произведение едино и неизменно, оно по отношению к ним недостижимо первично и в своём совершенстве пребывает «там». Таким образом, оно есть абсолютно неподвижная структура, такая же, какою была лапласова вселенная. Лапласов космос – это нечто абсолютно неподвижное для «демона», который постиг все скорости и локализации его атомов и благодаря этому получил полное знание обо всём его будущем» (Лем 2007, с. 31). В сущности, литературная космология представляет собой приём онтогносеологической детекции неизбежного «футурошока», диагностирующей меру резистентности психодезензивного потенциала практикуемой в жизненном мире версии разумной действительности. Поэтому литературная космология, если следовать лемовской логике в «Сумме технологии», «составляет систему обратных связей, регуляционную систему, характеристика которой определяет границы свободы личности наравне с границами устойчивости общественной системы, рассматриваемой как динамическое целое» (Лем 2018, с. 159). Литературная космология задаёт модельную ситуацию «детерминированной трансцендентности» для сюжета, имагинация которого совместима с нормой социализированного отражения габитуалитетов жизненного мира. Её пародийная формула будет парафразами «бритвы Оккама»: «*Entia non sunt multiplicanda praeter imaginationem*».

Литературная космология имеет дело с проблемой разумной действительности, ставя вопрос об общем смысле мироустройства, раскрывающего меру достижения соизмеримости бытия и мышления в акте идеации. Этот вопрос принадлежит к сущностному содержанию онтогносеологии, основоположник которой советский философ М.А. Лифшиц, находясь между Сциллой идеологического официоза и Харибдой критического ревизионизма, учил: «Нет ничего легче отбросить эту проблему, но она существует. Смысл только не внешний, а внутренний, и он существует. Существование его в том, что всё отдельное имеет всеобщее содержание, то есть не является в познании прибавлением безусловно нового, синтезом без априори, а известным сведением, возвращением к первооснове, и чем больше нового, тем яснее этот всеобщий смысл» (Лифшиц 2004, с. 427). Онтогносеологические парадоксы литературной космологии вскрывают хиатус внутри рационализаций жизненного мира, а научная фантастика как жанр облекает их в сюжетную оболочку «интересностей» внеэстетического толка, которые, однако, при наличии у писателя таланта и вкуса к эстетическим обобщениям могут высветить эйдетику сюжетного смещения в феноменологических габитуалитетах жизненного мира. Аспект «детерминированной трансцендентности», на который указывал С. Лем, имеет при этом первостепенное значение. В этой точке сходятся интересы науки, обыденного сознания и искусства, побуждая человека к методологической рефлексии по поводу разумной действительности. Лемовская детерминированная трансцендентность 1) в полемическом смысле неисполнима в жизненном мире по причине истощения сущностных сил имеющегося в наличии субъекта, 2) в скептическое смысле доступна, но не желанна, поскольку она обременяет сознанием метафизической вины, 3) в догматическом плане желанна, но противоречит рациональному объективному знанию, а 4) в порядке критики представляется понятийно недоступной в качестве иррациональной идентичности. Онтогносеологические парадоксы литературной космологии возвращают человеку его собственную сущность в виде (как это подтверждал С. Лем) избытка обратных связей, ипостазированных в превращенной форме объективных детерминаций космологического плана, взыскующего субъектности в эйдетике, когерентной габитуалитетам жизненного мира. В этом проблемном локусе научная фантастика оказывается продуктивной творческой инициативой, способной к эстетически-значимым ценностным обобщениям.

Библиографический список

- Бержерак С. Иной свет, или Государства и Империи Луны. – СПб.: Изд-во Ивана лимбах, 2002. – 248с.
- Бланки О. К вечности – через звезды. – СПб.: Владимир Даль, 2007. – 184с.
- Бруно Дж. Избранное. – Самара: Издательский дом «Агни», 2000. – 592с.
- Бруно Дж. О героическом энтузиазме. – К.: Новый Акрополь, 1996. – 288с.
- Гассенди П. Сочинения в 2-х томах. – М.: Мысль, 1996. – Т.1, 431с.
- Кант И. Метафизические начала естествознания. – М.: Мысль, 1999. – 1712с.
- Лем С. Мой взгляд на литературу. – М.: АСТ, 2009. – 857с.
- Лем С. Сумма технологии. – М.: АСТ, 2018. – 640с.
- Лем С. Философия случая. – М.: АСТ-Хранитель, 2007. – 767с.
- Лем С. Черное и белое. – М.: АСТ, 2013. – 640с.
- Лифшиц М.А. Что такое классика? Онтогносеология. Смысл мира. «Истинная середина». – М.: Искусство XII век, 2004. – 512с.
- Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – 525с.
- Николай Кузанский. Сочинения в 2-х томах. – М.: Мысль, 1979. – Т.1, 488с.
- По Э.А. Эврика. Поэма в прозе. (Опыт о вещественной и духовной Вселенной). – М.: Эксмо, 2008. – 400с.
- Сантаяна Дж. Скептицизм и животная вера. – СПб.: Владимир Даль, 2001. – 392с.